

ДЖОЗЕФ ДИЛЕЙНИ

КРОВЬ
ВЕДЬМАКА

Ученик Ведьмака

Джозеф Дилейни
Кровь Ведьмака

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дилейни Д.

Кровь Ведьмака / Д. Дилейни — «Эксмо», 2012 — (Ученик Ведьмака)

ISBN 978-5-699-93963-3

Том Уорд не просто седьмой сын седьмого сына – в его жилах течет древняя и могущественная кровь его матери. Когда-то она выступила против Князя Тьмы, но не смогла победить. И отдала своего младшего сына в обучение к Джону Грегори в надежде на то, что Тому удастся сделать то, что не удалось ей. Юноша уже знает, что ему предстоит. Он отчаянно ищет средство, которое поможет навсегда сокрушить дьявола... и продолжает выполнять обязанности ученика Ведьмака. Вместе с учителем Том отправляется в Тодморден, чтобы пополнить библиотеку и купить новые книги о Тьме. И попадает прямо в ловушку, расставленную слугами Врага...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-93963-3

© Дилейни Д., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1. Время отстроиться заново	6
Глава 2. Священный предмет	10
Глава 3. Много крови!	14
Глава 4. Она – та, кого ты любишь больше всех на свете	18
Глава 5. Еще одно задание для девчонки	23
Глава 6. Лишь половина истории	27
Глава 7. Переходить ее опасно	31
Глава 8. «Исследование мороев»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джозеф Дилейни

Кровь Ведьмака

Joseph Delaney
The Spook's Blood

Copyright © Joseph Delaney, 2012

Artwork © Alessandro 'Talexi' Taini

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Посвящается Мэри

Самый высокий холм в Графстве окутан тайной.

Говорят, что однажды, когда бушевала гроза, там погиб человек, сражаясь со злом, которое угрожало всему миру.

После битвы вершина снова покрылась льдом, а когда он сошел, изменились названия всех городов долин и даже очертания холмов.

Сейчас на этой самой высокой вершине не осталось ничего, что напоминало бы о тех событиях.

Но имя осталось.

Ее называют

Каменный Страж, или Камень Уорда-защитника

Глава 1. Время отстроиться заново

Ведьмак сидел на бревне в своем саду в Чипендене. Солнце сияло сквозь листву, в воздухе разливалось веселое пение птиц. Было теплое утро позднего мая – настолько хорошее, насколько может быть хорошим майское утро в Графстве.

Казалось, все меняется к лучшему. Сидя на траве, я уминал завтрак, а Ведьмак, оглядываясь на дом, улыбался, вполне довольный переменами. До нас доносился звук пилы, и я чувствовал запах опилок. Дом моего учителя отстраивали начиная с крыши. Наше жилище сожгли вражеские солдаты, но теперь война в Графстве закончилась, и пришло время отстроиться и вернуться к нашей прежней жизни: Ведьмака и его ученика, расправляющихся со всевозможными тварями Тьмы – домовыми, привидениями, духами и ведьмами.

– Не пойму, почему Алиса ушла, ничего не сказав, – пожаловался я Ведьмаку. – Это совсем на нее не похоже. И она ведь знает, что вскоре мы отправимся на восток и нас не будет минимум два дня.

Моя подруга Алиса исчезла три ночи назад. Я разговаривал с ней в саду, потом отлучился, чтобы кое-что сказать Ведьмаку, пообещав вернуться через несколько минут. Но когда я вернулся, ее уже не было. Сперва я не слишком беспокоился, но она пропустила ужин – и с тех пор больше не появлялась.

Ведьмак вздохнул:

– Не принимай это слишком близко к сердцу, парень, но, возможно, она исчезла навсегда. В конце концов, вас долго связывал тот пузырек с кровью, а теперь она вольна делать все, что пожелает. К тому же после того, как ее утащили во Тьму и продержали там так долго, она стала другим человеком.

Учитель был слишком категоричен. И хотя Алиса помогала нам много лет, он все еще ей не доверял. Уроженка Пендла, она два года обучалась ведьмовству, и Джон Грегори был бы рад никогда ее больше не видеть.

Во время нашего пребывания в Греции нас с Алисой охранял пузырек с несколькими каплями ее и моей крови, чтобы не подпустить дьявола, Врага рода человеческого, иначе нас обоих утащили бы во Тьму. Теперь он был уже не нужен: мы связали дьявола и отсекли

ему голову, которая хранилась у Грималкин, ведьмы-убийцы. Грималкин непрерывно перемещалась, спасаясь от его слуг. Если голова Врага когда-нибудь воссоединится с его телом, он снова станет свободен и наверняка отомстит. Последствия будут ужасными не только для Графства, но и для всего мира – начнется новая эпоха Тьмы. Но мы выгадали немного времени для того, чтобы выяснить, как уничтожить дьявола навсегда.

Последние слова учителя ранили меня сильнее всего. Да, Враг утащил Алису во Тьму, и после возвращения она изменилась. У нее побелели волосы – но это были лишь физические перемены, я же боялся, что пострадала ее душа, что она приблизилась к Тьме. Алису мучили те же страхи.

А вдруг она и правда ушла навсегда? Вдруг она не сможет больше общаться с учеником Ведьмака? Четыре года мы вместе сражались с опасностями и стали близкими друзьями – грустно, что теперь судьба нас разводит.

Я вспомнил, что однажды сказал мне отец. Папа был обычным фермером, но мудрым человеком, и по мере того как я рос, преподавал мне много жизненных уроков. «Послушай, Том, – сказал он как-то, – ты должен смириться с тем, что в этом мире все непрерывно меняется. Ничто не остается тем же самым вечно, и мы должны научиться жить с этим».

Он был прав: я был счастлив дома со своей семьей, а теперь мамы и папы уже нет, и я никогда не смогу вернуться к прежней жизни. Но я надеялся, что моя дружба с Алисой продолжится.

– А что это за место такое – Тодморден? – спросил я, сменив тему разговора.

Спорить с учителем насчет Алисы не имело смысла.

– Моя работа никогда не приводила меня в этот город, парень, но кое-что я о нем знаю. Тодморден стоит на самой восточной границе Графства, проходящей по реке Калдер, поэтому половина города находится в Графстве, а половина – за его пределами. У люда за рекой наверняка другие обычаи и привычки. В минувшие два года мы с тобой малость попутешествовали: сперва в Грецию, потом на остров Мона и наконец в Ирландию. И везде нам приходилось сталкиваться с новыми проблемами и преодолевать новые трудности. Но хотя цель нашего путешествия находится теперь недалеко от дома, нам все равно нужно быть начеку.

Библиотека Ведьмака – наследие многих поколений ведьмаков, обширное собрание сведений о том, как сражаться с Тьмой, – погибла в пожаре. А теперь мы получили весть, что в Тодмордене есть собрание книг о Тьме. Однажды поздно ночью, неделю назад, загадочный незнакомец позвонил в колокол на ивовом дереве на перекрестке и оставил записку. Записка была короткой, но содержательной:

Дорогой мистер Грегори,

я с глубокой печалью узнала о том, что Вы лишились чипенденской библиотеки. Примите мои соболезнования. Однако я надеюсь Вам помочь, поскольку владею большой коллекцией книг о Тьме. Может, некоторые из них Вам пригодятся? Я готова продать их по разумной цене. Если Вас заинтересовало это предложение, пожалуйста, посетите мой дом в Тодмордене. Я живу в конце Бент-лейн.

Космина Фреск

От библиотеки моего учителя осталась всего одна книга – «Бестиарий», который он сам написал и проиллюстрировал. Это было даже нечто большее, чем просто книга, – живой рабочий документ с примечаниями его учеников, в том числе моими; рассказ о трудах всей его жизни, о том, что он узнал с помощью других людей. Теперь Ведьмак надеялся собрать новую библиотеку, но небольшую коллекцию книг, хранящихся на водяной мельнице к северу от Кастера, где раньше жил Билл Аркрайт, один из его бывших учеников, взять отка-

зался. Учитель надеялся, кто когда-нибудь мельница снова станет домом ведьмака, а если такое случится, новому хозяину эти книги понадобятся. Джон Грегори полагал, что визит в Тодморден станет первым шагом к восстановлению его собственной библиотеки.

Сперва учитель думал отправиться в путь как можно скорее, но, как бы сильно он ни был заинтересован в покупке книг, его первоочередной задачей оставалась постройка дома, и он провел много часов, внимательно рассматривая чертежи и вместе с каменщиками составляя план работ. Он собирался закончить новое помещение для библиотеки (надо же было где-то хранить книги), и я его поддерживал: мне хотелось оттянуть наш отъезд, чтобы дать Алисе время вернуться.

– Какой смысл покупать книги, если у нас не готова библиотека? – пожал плечами я.

Учитель согласился, и это подарило мне лишнюю пару дней, но в конце концов мы все-таки отправились на встречу с Косминой Фреск.

В полдень, примерно за час до нашего ухода, я написал записку, адресованную пропавшей Алисе:

*Дорогая Алиса,
почему ты исчезла, не сказав ни слова? Я беспокоюсь о тебе. Сегодня утром мы с учителем отправимся в Тодморден, чтобы осмотреть библиотеку, о которой нам написали. Мы должны вернуться через пару дней.
Береги себя. Скупаю.
Том*

Но едва приколов записку к новой задней двери, я почувствовал холод – иногда я получал такое предупреждение о том, что неподалеку находится создание Тьмы, – а потом услышал сзади чьи-то шаги. Мой посох стоял рядом, прислоненный к стене; я схватил его и резко развернулся, держа посох перед собой, чтобы встретить опасность лицом к лицу.

К моему удивлению, передо мной стояла Алиса. Она улыбалась, но выглядела усталой и растрепанной, словно после длинного утомительного путешествия.

Прохлада быстро исчезла. Алиса не была врагом, но это краткое предостережение обеспокоило меня. Насколько сильно и пагубно воздействовала на нее Тьма?

– Алиса! Я так беспокоился! Почему ты ушла, не предупредив?

Она шагнула вперед и молча меня обняла. Спустя несколько мгновений я отстранился и еще раз оглядел ее:

– Похоже, тебе пришлось нелегко. Но как же я рад тебя видеть! И, знаешь, к твоим волосам возвращается обычный цвет, скоро они станут темными, как раньше.

Алиса кивнула, но улыбка исчезла с ее лица; теперь она выглядела очень серьезной:

– Мне нужно сказать тебе кое-что очень важное, Том. И старому Грегори тоже лучше это услышать.

Я бы еще побыл с Алисой наедине, но она хотела как можно скорее поговорить с Ведьмаком, и я отправился за ним. День был солнечный, и учитель повел нас к скамье в западном саду.

Мы с Ведьмаком сели, Алиса осталась стоять. Я едва не рассмеялся, потому что это напомнило мне то время, когда Ведьмак стоял здесь же и давал мне уроки, а я записывал. Теперь мы с мистером Грегори походили на учеников... Но то, что сказала Алиса, стерло улыбку с моего лица.

– Грималкин бежала с головой дьявола и укрылась в башне Малкин. Это длинная история, и, без сомнения, рано или поздно Грималкин сама вам ее расскажет...

– Голова дьявола все еще у нее, в целости и сохранности? – перебил Ведьмак.

– Грималкин сохранила ее, хотя это было нелегко. Но дальше будет не легче. Я принесла плохие вести: приспешники Врага убили Агнессу Сауэрбатс.

– Бедная Агнесса, – сказал я, печально качая головой. – Мне очень жаль.

Агнесса была тетей Алисы и помогала нам обоим.

– Одну из сестер ламий тоже убили, и башню осталась защищать только Слейк, но она не может сражаться вечно. Грималкин говорит, вы должны прийти туда как можно скорее, Том, это важно! Ламии изучили книги твоей мамы и выяснили, что именно она стреножила Врага. Слейк думает, что если ты внимательно изучишь ритуал стреноживания, то сможешь понять, как покончить с ним навсегда.

Стреноживание до известной степени ограничило могущество дьявола. Если бы ему удалось меня убить, он бы воцарился в нашем мире на сотню лет, прежде чем ему пришлось бы вернуться во Тьму. Конечно, для бессмертного существа сто лет не срок, но если он заставит одного из своих детей, сына или дочь ведьмы, убить меня, то власть его продлится долгие века. А вечной власти он мог бы добиться переманив меня на сторону Тьмы.

– Я всегда думал, что, скорее всего, это мама его стреножила, – кивнул я.

В конце концов, я был седьмым сыном, рожденным от другого седьмого сына, поэтому она избрала меня оружием против Врага. Окончательно повергнуть его мог только я – да и кто еще из его противников был достаточно могущественным, чтобы это сделать?

Ведьмак медленно наклонил голову в знак согласия, но вид у него был отнюдь не радостный. Любое использование магии его тревожило. Сейчас союз с Тьмой был необходим, но ему это не нравилось.

– Да, и я так думала, – сказала Алиса. – Но есть еще кое-что, Том! Во что бы то ни стало, любой ценой ты должен покончить с Врагом в Хэллоуин. В этот день завершится семнадцатилетний цикл и исполнится тридцать четвертая годовщина стреноживания Врага твоей мамой. У нас осталось чуть больше пяти месяцев...

– Что ж, парень, – сказал Ведьмак, – тебе лучше как можно быстрее добраться до башни Малкин. Это поважнее книг для новой библиотеки, и наш визит в Тодморден можно отложить до твоего возвращения.

– А вы не пойдете? – спросил я.

Учитель покачал головой:

– Нет, Том, не в этот раз. В моем возрасте сырость Графства начинает действовать на суставы, и мои старые колени барахлят как никогда. Я буду только тебя задерживать. Девочка проводит тебя, и ты сможешь незамеченным добраться до башни. Кроме того, теперь у тебя за спиной несколько лет обучения; пора тебе думать и действовать как ведьмак, которым ты скоро станешь. Я верю в тебя, парень! Я не стал бы тебя посылать, если бы не считал, что ты сможешь о себе позаботиться.

Глава 2. Священный предмет

После этого разговора я час гулял с собаками. Стрела и ее взрослые щенки, Лапа и Нос, были натасканы на охоту на водяных ведьм, и раньше принадлежали Биллу Аркрайту – ведьмаку, который погиб в Греции, вместе с нами сражаясь с Тьмой. Теперь я считал собак своими, хотя учитель все еще не дал согласия оставить их навсегда. Он пообещал присмотреть за ними, пока нас не будет, но я знал, что он занят ремонтом дома; кроме того, его подвели колени, поэтому собаки наверняка будут большую часть времени сидеть на цепи. Я долго выгуливал их, дав им побегать на свободе.

Спустя час мы с Алисой отправились в путь.

Мы шли быстро. Я шагал вслед за Алисой на восток, в сторону Пендла, неся свой посох и мешок. Мы собирались прибыть туда перед самым закатом, войти в Пендл под покровом темноты, а потом двинуться напрямик к башне Малкин.

Под плащом, в ножнах, сработанных для меня Грималкин, я нес Клинок Судьбы – оружие, которое дал мне один из величайших героев Ирландии Кухулин. Ведьма-убийца научила меня пользоваться этим мечом, и он оказался ценным подспорьем посоху.

Мы переправились через реку Рибл, выиграв несколько часов, и двинулись на север, держась к западу от огромного зловещего холма и чувствуя холодок от его тягостной близости.

Пендл – место, особенно благоприятное для черной магии, вот почему там живет столько ведьм. Но мы находились на безопасной стороне Пендла, потому что деревни трех главных кланов ведьм лежали к юго-востоку, за холмом. Мы знали, что кланы разделились – одни поддерживали дьявола, другие ему противостояли. Сложная ситуация, но одно я знал точно: нигде в округе не будут рады видеть ученика Ведьмака.

Мы обогнули Даунхам, прошли по северному краю холма и снова двинулись на юг. Теперь мы с каждым шагом приближались к опасным местам, поэтому устроились в маленькой рощице, чтобы дождаться наступления ночи.

Алиса повернулась ко мне; в полумраке лицо ее казалось очень бледным.

– Я должна сказать тебе еще кое-что, Том. Думаю, сейчас для этого вполне подходящее время.

– Я теряюсь в догадках. Речь пойдет о чем-то плохом?

– Тебя может расстроить вторая часть моего рассказа, поэтому я начну с простого. Когда твоя мама стреножила Врага, она использовала два священных предмета. Один из них хранится в дорожном сундуке в башне Малкин, но второй может быть где угодно, поэтому мы должны его разыскать.

– Значит, один предмет у нас уже есть. И что же это такое?

– Грималкин не знает. Слейк не позволила ей посмотреть.

– Почему ламия так решила? Она хранительница сундука, а не его хозяйка.

– Так решила не Слейк, а твоя мама. Никто, кроме тебя, не может знать, что лежит в сундуке, не может это увидеть.

– Слейк прочла о том, что лежит в сундуке, в маминых записках?

– Нет, Том, – сказала Алиса, печально качая головой. – Твоя мама явилась ей и сама обо всем рассказала.

Я удивленно посмотрел на Алису. После смерти мамы я однажды вступил с ней в контакт, когда возвращался из Греции на корабле, но не видел ее, а только чувствовал тепло. В тот миг я не сомневался, что она явилась, чтобы попрощаться со мной, но время шло, и я все меньше и меньше верил, что это было на самом деле. Теперь случившееся казалось уже скорее сном, чем явью. Но могла ли мама и вправду разговаривать со Слейк?

– Почему же она рассказала обо всем Слейк, почему не сказала мне самому? Мне нужно это знать, я же ее сын!

Меня охватил гнев, и, хотя я пытался взять себя в руки, глаза защипало от слез. Я ужасно скучал по маме. Почему она не связалась со мной?

– Я знаю, ты расстроен, Том, но, пожалуйста, не переживай так сильно. Может, ей было легче вступить в контакт со Слейк, ведь, в конце концов, они обе ламии. И я должна рассказать тебе еще кое-что. Грималкин сказала, сестры ламии говорят о твоей маме так, будто она все еще жива. И они поклоняются ей, называя ее Зенобией.

Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Это могло быть правдой. Мама была первой ламией и когда-то служила Тьме. Но потом она изменилась, и, выйдя замуж за моего отца, в конце концов отринула свою прежнюю жизнь и стала противницей дьявола.

– Может, она поговорит со мной, когда я попаду в башню? – предположил я.

– Что толку тешить себя надеждами, Том? Но да, и такое может случиться. А теперь я хочу кое о чем тебя попросить. Для меня это важно, но если ты скажешь «нет», я пойму.

– Если для тебя это важно, Алиса, я не скажу «нет», уж тебе-то следовало бы меня знать.

– Просто по дороге в башню мы будем проходить мимо Ведьмовской лощины. Грималкин сказала, что часть лощины сожгли сторонники Врага, когда гнались за ней, но, может быть, Агнесса Сауэрбатс уцелела. Она была мне не только тетей, но и другом, Том, она так много мне помогала! Если она все еще там, мне бы хотелось в последний раз с ней поговорить.

– Думаю, лучше держаться от мертвых ведьм подальше: чем дольше они остаются в лощине, тем больше меняются, забывая свою прошлую жизнь, семью и друзей.

– В основном так и есть, Том, их личности разрушаются, поэтому живые ведьмы редко общаются с мертвыми. Но Агнесса недолго была мертва, и я уверена, она все еще меня помнит.

– Если даже она уцелела, как ты ее найдешь? Мы не можем просто бродить по лощине среди мертвых ведьм – некоторые из них очень сильны и опасны.

– Грималкин сказала, что сейчас там, наверное, всего одна сильная ведьма. Но есть зов, с помощью которого я раньше связывалась с Агнессой. Она сама меня научила этому зову – крику козодоя (или, как его еще называют, птицы-трупа) – и придет, когда его услышит.

Солнце зашло, в роще постепенно стемнело. Стояла ясная безлунная ночь – луна не поднимется еще несколько часов, – но на небо высыпали звезды.

Держась под прикрытием живой изгороди, мы начали извилистый путь на юг, в сторону башни, и в конце концов пошли по восточному краю Ведьмовской лощины. Мы увидели, как ее опустошил огонь – широкая полоса сгоревших деревьев перерезала дол пополам. Наверное, пожар уничтожил много мертвых ведьм, в том числе верных Врагу, и я понял, что его сторонники пойдут на что угодно, лишь бы вернуть его голову.

Мы остановились примерно в пятидесяти ярдах от северного конца лощины. Было видно, что тут произошла ужасная битва между Грималкин и ее противницами-ведьмами. Грималкин была грозной воительницей, но я не знал, насколько большой отряд ее преследует и какую роль во всем этом играет Алиса.

Алиса приложила ладони ко рту и послала в темноту жуткий клич, от которого у меня по спине побежали мурашки. Могущественная водяная ведьма Морвена держала птицу-трупа в качестве фамильяра, и у меня сохранилось несколько страшных воспоминаний о том, как эта ведьма на меня охотилась. Я вспомнил, как она поднялась из болота и, зацепив меня когтем, попыталась утопить, чтобы выпустить мне кровь.

Я не мог отличить крик Алисы от крика настоящей птицы, но она сказала, что слегка понизила голос, чтобы Агнесса ее узнала.

Алиса звала каждые пять минут, и жуткие крики, будившие эхо среди деревьев лощины, заставляли меня содрогаться. Всякий раз, когда вопль улетал в темноту, мое сердце начинало биться чаще: во мне пробуждались плохие воспоминания. Стрела откусила ведьме палец и спасла меня, иначе меня утащили бы в болото и выпустили кровь раньше, чем я утонул.

Отогнав эти мысли, я попытался сохранять спокойствие и замедлил дыхание так, как учил меня Ведьмак.

После восьмой попытки Алиса уже собиралась сдаться, как вдруг я ощутил холодок, предупреждавший, что приближается существо из Тьмы. Вокруг воцарилась неестественная тишина; все замерло... А потом послышался шелест травы, а вслед за тем негромкие хлюпающие звуки. Что-то тащилось к нам по мокрой земле.

Вскоре я услышал сопение и ворчание, и спустя несколько мгновений мы заметили, что к нам ползет мертвая ведьма. Это могла быть любая мертвая ведьма, охотящаяся за кровью и решившая, что мы подходящая добыча, поэтому я покрепче сжал посох. Алиса дважды быстро потянула носом, проверяя, нет ли опасности.

– Это Агнесса, – прошептала она.

Я услышал, как ведьма обнюхивает землю, отыскивая дорогу к нам, а потом разглядел и ее саму: воистину жалкое существо, при виде которого у меня подступил ком к горлу. Агнесса всегда была такой чистой, домовитой женщиной, а теперь на ней было рваное платье, облепленное засохшей грязью, в ее сальных волосах кишели черви, и от нее сильно пахло перегноем. Я мог не волноваться, что она нас не узнает: едва приблизившись, она начала всхлипывать, и слезы заструились по ее щекам, капая на траву. Потом она села и опустила голову на руки.

– Прости, что я так раскисла, Алиса! – воскликнула она, вытирая слезы тыльной стороной руки. – Я-то думала, что самое страшное случилось, когда умер мой муж – я ужасно скучала по нему много долгих лет, – но теперь все гораздо хуже. Я никак не могу привыкнуть, что стала такой. Как бы мне хотелось, чтобы меня забрал огонь! Я никогда не смогу вернуться в свой дом, чтобы жить прежней спокойной жизнью, никогда больше не буду счаст-

лива. Будь я сильной мертвой ведьмой, я могла бы, по крайней мере, уходить отсюда ночами и охотиться далеко от этой несчастной лощины. Но я недостаточно сильна, чтобы поймать что-нибудь большое. Жуки, полевки и мыши – лучшее, на что я могу рассчитывать!

Алиса долго молчала. Я тоже не находил слов. Чем я мог утешить бедную Агнессу? Неудивительно, что большинство живых ведьм держатся подальше от своих мертвых родственников. Больно видеть того, кого ты любил, в таком ужасном состоянии. Никакие слова не могли помочь Агнессе почувствовать себя лучше.

– Послушай, Том, мне бы хотелось немного поговорить с Агнессой наедине, ты не возражаешь? – в конце концов спросила Алиса.

– Конечно нет, – сказал я и встал. – Я подожду в сторонке.

Я отошел на порядочное расстояние, чтобы дать Алисе побыть с тетей наедине, и встал там, где не мог ничего услышать. По правде говоря, я был счастлив убраться подальше – рядом с Агнессой я испытывал грусть и неловкость.

Спустя минут пять Алиса подошла ко мне; ее глаза блестели при свете звезд.

– Ах, если бы Агнесса была по-настоящему сильной ведьмой, Том! Тогда она не только смогла бы существовать достойно (ведь она это заслужила), но и стала бы для нас очень полезной союзницей.

– О чем ты, Алиса? – с тревогой спросил я, зная, что это не просто пустые рассуждения.

– Предположим, я сделаю ее сильной...

– С помощью черной магии?

– Да. Я могу это сделать... Другой вопрос – должна ли я так поступить. Как ты думаешь?

Глава 3. Много крови!

– Я думал, мертвая ведьма лишается всех магических способностей и у нее остается только жажда крови. Так чем же ей поможет твоя магия? – спросил я.

– В костях мертвой ведьмы и вправду не остается никакой магии, но я могу прибегнуть к своей и на время сделать Агнессу сильнее, – объяснила Алиса. – Постепенно ее новая сила уменьшится, но в ближайшие годы ей будет легче существовать в этой лощине. А когда она ослабеет, разум ее все равно начнет стираться и она больше не будет страдать по своей прежней жизни. Тут нет ничего плохого.

– А как же ее жертвы? Те, кого она убьет, потому что ей нужна их кровь? Теперь она хотя бы питается насекомыми и мелкими животными, но не людьми!

– Она будет пить кровь только слуг Врага – а этой крови столько, что ей хватит надолго. И с каждым новым убитым будет уменьшаться грозящая нам опасность и увеличиваться вероятность того, что мы уничтожим дьявола навсегда.

– Ты можешь ручаться, что она ограничится ими?

– Я знаю Агнессу. Она сдержит все свои обещания – а я заставлю ее пообещать, прежде чем приступлю к делу.

– Но как же ты, Алиса? Как же ты? – запротестовал я, слегка повысив голос. – Ведь всякий раз, используя магическую силу, ты приближаешься к Тьме!

Я привел именно тот довод, какой высказал бы мой учитель. Я был другом Алисы, беспокоился о ней и не мог этого не сказать.

– Я использую силу, чтобы мы могли выжить, могли победить. Я спасла тебя от ведьмы Скарабей и от магов в Ирландии – разве не так? Я воспользовалась черной магией, чтобы помешать ведьмам улизнуть с головой Врага, и я отдала Грималкин часть своей силы, чтобы она уничтожила наших противников. Если бы я всего этого не сделала, и она, и я погибли бы и голова дьявола воссоединилась бы с его телом. У меня не было выбора, Том. Я сделала то, что требовалось. И решение, которое нужно принять сейчас, может быть не менее важным.

– Не менее важным? Ты уверена, что помогаешь Агессе не потому, что тебе ее жаль?

– А если бы даже и так? – сердито ответила Алиса; глаза ее заблестели. – Почему я не должна помогать своим друзьям точно так же, как помогала тебе, Том? Но даю честное слово: причина не только в этом, тут есть нечто гораздо большее. Я чувствую – что-то должно случиться, из будущего надвигается нечто темное и ужасное. Агнесса сможет нам помочь. Чтобы выжить, нам понадобится сильный союзник. Верь мне, Том: так будет лучше всего!

Я молчал, охваченный тревогой. Еще никогда Алиса не прибегала к черной магии так свободно. Она отдала Грималкин часть своей силы, а теперь хотела сделать сильнее мертвую ведьму – когда же этому придет конец?! Я знал, что мои слова ничего не изменят: она все равно поступит так, как решила. Наши отношения менялись к худшему, она больше не советовалась со мной.

Мы сердито уставились друг на друга, но спустя несколько секунд Алиса стремительно развернулась на пятках и вернулась к Агнессе. Она присела, положила левую руку на голову мертвой ведьмы и тихо с ней заговорила. Я не слышал, о чем именно идет речь, но ответ Агнессы прозвучал ясно, как звон колокола. Она произнесла всего три слова:

– Да, я обещаю.

Тогда Алиса заговорила нараспев. Это были темные чары. Она произносила заклинание все громче и громче, быстрее и быстрее – до тех пор пока я не начал тревожно озираться, уверенный, что ее услышат все мертвые ведьмы в лощине и двинутся к нам. Мы зашли глубоко во владения ведьм; три деревни, расположенные в Дьявольском Треугольнике, лежали всего в нескольких милях к югу отсюда. Вокруг могли рыскать шпионы, и этот шум выдаст наше присутствие.

Внезапно Агнесса испустила вопль, от которого кровь застыла в жилах, и дернулась назад, отшатнувшись от Алисы. Она лежала на траве, стонала и скулила, била руками и ногами и корчилась в судорогах.

Я встревоженно подошел. Неужели что-то пошло не так?

– Через несколько минут с ней все будет в порядке, – успокоила меня Алиса. – Поскольку магия очень могучая, она причиняет сильную боль. Но Агнесса это знала заранее и смирилась с последствиями. Она очень храбрая, она всегда была храброй.

Спустя несколько минут Агнесса перестала корчиться и встала на четвереньки. Несколько мгновений она кашляла и давилась, потом поднялась на ноги и, шатаясь, выпрямилась в полный рост. Она улыбнулась – сперва Алисе, потом мне. В выражении лица мертвой ведьмы появилось что-то от прежней Агнессы. Несмотря на грязь и заляпанные кровью лохмотья, теперь она казалась спокойной и уверенной, но в ее глазах я увидел голод, которого никогда не было при ее жизни.

– Хочу пить! – сказала она, оглядываясь с нетерпением, которое не на шутку меня испугало. – Мне нужна кровь! Мне нужно много, много крови!

Мы двинулись на юг: Алиса впереди, Агнесса за ней по пятам, я сзади. Я все время смотрел по сторонам и оборачивался, чтобы посмотреть, нет ли за нами слежки. В любую минуту я ждал нападения. Ведьмы, служившие Врагу, могли следовать за нами, а могли и устроить засаду впереди. Несмотря на затруднительное положение, в котором оказался дьявол, он все еще поддерживал с ними связь и был готов воспользоваться любой возможностью поймать нас. А Пендл даже в самые лучшие времена был опасным местом.

Мы шли быстро, и Агнесса, которая раньше могла лишь с трудом ползти, теперь следовала за Алисой шаг в шаг. Вскоре взойдет луна, и мы хотели добраться до туннеля под башней прежде, чем в лунном свете станем видны как на ладони.

Я размышлял о Слейк, уцелевшей ламии. Как далеко она продвинулась к своей крылатой ипостаси? Она вполне могла утратить дар речи, и тогда я не смогу ее как следует расспросить, а мне нужно было как можно больше узнать о священных предметах. К тому же я надеялся как-нибудь связаться с мамой.

Вскоре мы уже шагали по краю Вороньего леса. Густая роща, которая разрослась на старом заброшенном кладбище, была уже близко, а посреди рощи находился вход в ведущий в башню туннель. Чтобы до него добраться, требовалось войти в склеп, возведенный для усопших одной богатой семьи. Большинство костей убрали, когда кладбище секуляризировали¹, но эти кости остались на месте.

Внезапно Алиса остановилась и предупреждающе подняла руку. Я не видел ничего, кроме нескольких могильных плит среди куманики, но услышал, как она трижды быстро потянула носом, проверяя, нет ли опасности.

– Впереди ведьмы – залегли и ждут. Это засада. Наверное, они с помощью гадания узнали о нашем приближении.

– Сколько их? – спросил я, взяв посох на изготовку.

– Три. Но скоро они учуют нас, Том, и дадут сигнал остальным.

– Тогда лучше им умереть быстро! – сказала Агнесса. – Они мои!

И не успели мы с Алисой и глазом моргнуть, как Агнесса ринулась вперед и прорвалась сквозь заросли на небольшую поляну вокруг склепа.

Все ведьмы в разной степени обладают способностью чутко приближающуюся опасность; Алиса отлично умела это делать, но некоторые другие справлялись гораздо хуже. Кроме того, внезапная атака скорее может застигнуть врага врасплох, чем тщательно обдуманная и подготовленная заранее.

Донесшиеся с прогалины вопли были пронзительными, полными ужаса и боли. Когда мы догнали Агнессу, две ведьмы были уже мертвы и она сосала кровь третьей: женщина дергала руками и ногами, а тетя Алисы пила из ее шеи большими жадными глотками.

Меня ужаснуло то, как быстро изменилась Агнесса – теперь она совершенно не напоминала добродушную женщину, которая столько раз помогала нам в прошлом. Я с ужасом уставился на нее, но Алиса, перехватив мой полный отвращения взгляд, только пожала плечами:

– Она голодна, Том. Кто мы такие, чтобы ее судить? В ее положении мы бы вели себя точно так же.

Спустя несколько минут Агнесса подняла на нас глаза и ухмыльнулась. Губы ее были в крови.

– Я останусь здесь и доем, – сказала она. – А вы доберитесь до безопасного места в туннеле.

– Скоро здесь появятся новые враги, Агнесса, – отозвалась Алиса. – Не задерживайся надолго.

– Не бойся, дитя, я вас догоню. А если за этими явятся другие, тем лучше!

Мы больше ничего не могли сделать, чтобы уговорить Агнессу, поэтому (очень неохотно) оставили ее и двинулись к склепу.

Склеп был почти таким же, каким запомнился мне по прошлому визиту два года назад, но молодой платан, растущий сквозь крышу, стал выше и раскидистей, лиственный полог, окутывающий это прибежище мертвых, стал гуще, отчего внутри сделалось еще сумрачнее.

Алиса вытащила из кармана юбки огарок свечи, и, когда мы вошли во мрак склепа, огарок ожил и замерцал, озарив затянутые паутиной горизонтальные надгробья и темную дыру в земле – вход в туннель. Алиса двинулась вперед, и мы заползли в эту дыру. Спустя некоторое время ход расширился, мы смогли встать и стали продвигаться уже быстрее.

Дважды мы останавливались, пока Алиса вынюхивала опасность, но вскоре миновали маленькое озеро, которое некогда охранял убийца – безглазое тело утонувшего моряка, оживленного черной магией. Его уничтожила одна из ламий, и он исчез без следа; расчлененное

¹ Секуляризация – обращение церковной и монархической собственности в собственность светскую.

тело давным-давно затерялось в грязи на дне. Только слабый неприятный запах говорил о том, что некогда тут было очень опасное место.

Вскоре мы добрались до подземных ворот в древнюю башню.

Мы шли мимо темных сырых донжонов; в некоторых еще сохранились скелеты тех, кого пытал клан Малкин. Теперь здесь не осталось никаких привидений: когда мы явились сюда в прошлый раз, мой учитель хорошо потрудился, чтобы отослать их всех в Свет.

Мы очутились в обширном цилиндрическом подземном зале и увидели колонну, увешанную тринадцатью цепями. К каждой цепи было приковано маленькое мертвое животное: крысы, кролики, кошка, собака и два барсука. Я вспомнил, как их кровь капала в ржавое ведро, но теперь оно было пустым, а мертвые зверьки высохли и съежились.

– Грималкин сказала, что ламии поставили виселицу в знак поклонения, – сказала Алиса голосом чуть громче шепота. – Она была приношением твоей маме.

Я кивнул. Во время предыдущего визита сюда мы с Ведьмаком гадали – для чего здесь эта виселица. Теперь я знал.

Я периодически сталкивался с фактами, имевшими очень мало общего с доброй заботливой женщиной, которую я помнил. Мама прожила гораздо дольше обычного человека, и то время, что она провела на ферме как любящая жена и мать семерых сыновей, было относительно коротким. Самая первая ламия, она совершала поступки, о которых я не хотел задумываться, – вот почему я никогда не говорил учителю, кем она являлась на самом деле. Мне была невыносима мысль о том, что Ведьмак станет думать о ней дурно.

Глава 4. Она – та, кого ты любишь больше всех на свете

Ламии нигде не было видно, и мы начали подниматься по ступеням лестницы, которая вилась спиралью вокруг внутренних стен.

Ламии расширили люк в высоком потолке, превратив его в неправильной формы дыру, чтобы в него легче было пролезать. Мы пролезли в этот люк и продолжали идти по каменным ступеням, истертым до впадин остроконечной обувью многих поколений ведьм Малкин; звук наших шагов эхом отражался от стен. Мы по-прежнему находились под землей, и где-то в темноте высоко над нами капала вода. Воздух был сырым, свет свечи Алисы мерцал на холодном сквозняке.

Мы двинулись мимо камер, куда ведьмы некогда бросали своих врагов. Во время нашего последнего визита в башню мы сидели в одной из них в ожидании смерти. Но когда две ведьмы Малкин пришли, чтобы нас прикончить, Алиса и Маб Моулдхил столкнули их со ступеней, и они разбились насмерть.

В камере раздался шум, и я увидел, что Алиса взглянула на дверь нашей бывшей тюрьмы и, подняв свечу повыше, направились к ней. Я пошел следом, держа наготове посох, но там оказалась всего лишь крыса, которая метнулась мимо нас и понеслась по ступеням вниз; ее длинный хвост волочился за ней как гадюка.

Когда мы снова зашагали вверх по лестнице, Алиса посмотрела туда, где умерли наши враги, и содрогнулась, вспомнив об этом.

Как ни странно, эта естественная реакция обрадовала меня. Прибегая к помощи магической силы, Алиса, может, и приблизилась к Тьме, но все еще была способна чувствовать и не настолько ожесточилась, чтобы потерять себя, отринув свою природную доброту.

– Это было скверно, вот что, – сказала она, покачивая головой. – Мне бы не хотелось, чтобы мне напоминали о том, что я там сделала.

Мой брат Джек, его жена Элли и их младшая дочь Мэри тоже были заперты в этой камере. Когда дверь открыли, ведьма произнесла слова, от которых меня пробрал озноб. «Оставь ребенка мне, – сказала она. – Она моя...»

В этот миг Алиса с Маб и напали на них.

– Ты сделала то, что должна была сделать, Алиса, – заверил я. – Либо мы, либо они – третьего было не дано. И не забывай, они явились, чтобы убить ребенка!

Добравшись до верха лестницы, мы вошли в кладовую, в которой воняло сгнившими овощами. За ней находились жилые комнаты, некогда служившие домом шабашу Малкин и их слугам; там хранился мамин сундук с ее записями и артефактами.

Я увидел, что сундук открыт, а рядом стоит ламия Слейк.

Ведьмы Малкин украли сундуки с нашей фермы и принесли их сюда. Но в двух других сундуках прятались две мамы сестры-ламий; я выпустил их, и они выгнали ведьм из башни. После этого безопаснее было просто оставить сундуки здесь, под охраной ламий.

Теперь лицо Слейк стало диким, тело ее покрывали зеленые и желтые чешуйки. Ее почти полностью сформировавшиеся крылья были сложены за плечами.

«Может ли она еще говорить?» – подумал я.

Словно прочитав мои мысли, ламия произнесла грубым гортанным голосом:

– Добро пожаловать, Томас Уорд! Рада снова видеть тебя. В прошлую нашу встречу я не могла говорить и вскоре вновь потеряю эту способность. Мне столько нужно тебе рассказать, а времени у нас мало.

Я поклонился и ответил:

– Благодарю за то, что охраняешь сундук и его содержимое, бережешь их для меня. Я с сожалением узнал о смерти Винде, твоей сестры. Наверное, теперь тебе очень одиноко.

– Винде с честью пала в битве, – скрежещуще отозвалась ламия. – Это верно, мне одиноко после стольких счастливых лет, проведенных с сестрой. Я готова покинуть башню и найти своих соплеменников, но твоя мать велела мне оставаться здесь до тех пор, пока ты не узнаешь все, что тебе следует узнать. Только когда ты уничтожишь Врага, я вольна буду улететь.

– Мне сказали, в сундуке хранится артефакт – священный предмет, который мне понадобится. Можно ли на него взглянуть? – спросил я.

– Он предназначен лишь для твоих глаз. Девочка должна уйти, пока я буду тебе его показывать.

Я собирался запротестовать, но тут заговорила Алиса.

– Все в порядке, Том. Я пока повидаюсь с Агнессой, – с улыбкой сказала она.

– С вами есть еще кто-то? – спросила Слейк, вытянув когти.

– Помнишь ведьму, которую убили под башней? Ее зовут Агнесса Сауэрбатс. Винде отнесла ее тело в Ведьмину лощину, и Агнесса все еще сражается с Врагом, – объяснила Алиса. – Как могущественная мертвая ведьма она будет сильной и ценной союзницей.

– Тогда ступай и приведи ее к нам, – распорядилась ламия.

Алиса вышла из комнаты, и я услышал, как каблучки ее остроносых туфель стучат по каменным ступеням.

Оставшись наедине с ламией, я внезапно почувствовал беспокойство, глядя во все глаза и слушая во все уши. Слейк была могущественна и грозна, в присутствии такого существа трудно было чувствовать себя непринужденно.

– В общем, есть три священных предмета, которыми тебе следует воспользоваться, чтобы уничтожить Врага, – прошипела ламия. – Первым ты уже владеешь – это Клинок Судьбы, данный тебе Кухулином. Очень удачно, что он у тебя оказался, иначе пришлось бы снова отправляться в Ирландию на его поиски.

Слейк сказала «оказался», как будто меч случайно попал ко мне в руки, но его название говорило само за себя: меня с ним связала судьба. Мы были предназначены друг другу, и нам предстояло окончательно уничтожить Врага. Или мы его уничтожим, или я погибну, пытаясь это сделать.

– А вот и второй предмет, – продолжала ламия, потянувшись внутрь сундука.

Ее когтистая рука вернулась, сжимая кинжал. Я с первого взгляда понял, что это тонкое лезвие сделано из серебряного сплава – материала, особенно действенного против обитателей Тьмы.

Ламия протянула мне кинжал рукоятью вперед, и, едва мои пальцы ее коснулись, я инстинктивно понял, что рожден для обладания этим оружием. Хотя кинжал был гораздо меньше Клинка Судьбы, в чем-то они походили на близнецов. Рукоять кинжала сработала в виде головы скелта с рубиновыми глазами; клинок занимал место трубчатой кости, с помощью которой скелт пускал своим жертвам кровь. Скелты, смертоносные создания, прятались в узких расщелинах рядом с водой, и, если кто-нибудь проходил мимо, выскакивали и вонзали эту длинную трубчатую кость ему в шею. Когда я отправился работать с ведьмаком Биллом Аркрайтом, на меня напало такое существо, и Билл спас меня, разможив ему голову камнем.

Как только я сжал рукоять кинжала, из двух рубиновых глаз закапала кровь.

– Его тоже выковал Гефест? – спросил я.

Гефест был старым богом, величайшим из всех когда-либо живших кузнецов, и для своих друзей он создавал особенное оружие.

Слейк склонила страшную голову в кивке:

– Да, он сработал все три священных предмета, известных как «мечи героя», хотя, по правде сказать, два из них всего лишь кинжалы. Некоторые говорят, что как мечами некогда ими пользовались сегантии – маленький народец, обитавший раньше на севере Графства.

Я припомнил, что видел вырезанные из камня крошечные могилы, куда помещали тела сегантиев. В их руках кинжалы и вправду казались бы большими как мечи.

– Мне понадобятся все три предмета? – спросил я.

– Да, их нужно использовать вместе. Я знаю, где нужно искать еще один, вот только он лежит в месте, недоступном для смертных. Он таится во Тьме, но тот, кто храбр, силен и изобретателен, может его извлечь.

– Я не так уж и храбр, – сказал я. – И вряд ли силен, но если кто-то должен сунуться во Тьму, так это точно я.

Так сказал мне старый бог Пан. Каждое могущественное создание имеет во Тьме собственное обиталище – огромное место со множеством владений, и самое грозное и опасное из них принадлежит дьяволу.

– Твоя мать Зенобия точно знает, где искать. Она сама расскажет тебе об этом и объяснит, что надо делать.

– Что?! Мама поговорит со мной?! Когда? – взволнованно спросил я. – Когда это случится?

– Она явится нынче ночью в этой комнате – но только тебе одному. Ее слова будут предназначены лишь для твоих ушей.

* * *

Ночью я ждал маму, сидя рядом с ее сундуком. Пламя единственной свечи танцевало на столе, заставляя причудливые тени метаться по дальней стене.

Я поговорил с Алисой, объяснив ей ситуацию, и она как будто не расстроилась.

– Само собой, что после долгой разлуки твоя мама хочет поговорить с тобой наедине, Том, – сказала она. – В конце концов, это семейное дело, разве не так? Я устроюсь внизу, с Агнессой, и утром ты сможешь рассказать мне, как все прошло.

Поэтому Алиса, Агнесса и Слейк ждали где-то в нижних помещениях башни, оставив меня нести одинокую, нетерпеливую и тревожную вахту.

Я гадал, в каком облике мама меня навестит. Явится ли она свирепой ламией со снежно-белыми крыльями, как у ангелов из мифов, или обычной женщиной, которая заботилась обо мне, когда я был ребенком?

Меня ожидал еще один сюрприз. Я собирался немедленно приступить к делу – изучить материалы из сундука в надежде узнать побольше о ритуале, который предстоит исполнить, о том, как можно продлить стреноживание Врага, чтобы уничтожить его навсегда. Но Слейк сказала, что в этом нет необходимости. Похоже, с помощью сестры она уже расшифровала нужные заметки и записала все указания, чтобы вручить их мне сразу после нашего с мамой разговора.

Сперва я был так возбужден и мне так хотелось снова увидеть маму, что я не мог спать. Но постепенно я начал уставать и клевать носом. Я то и дело вздрагивал и просыпался, распахивая глаза, но в конце концов заснул глубоким сном.

А потом, совершенно внезапно, я снова проснулся с сильно бьющимся сердцем.

Свеча погасла, но в комнате появился другой источник света – бледная световая колонна. А передо мной стояла мама в том облике, какой она приняла перед последней битвой со своим ужасным врагом Ордин. Лицо с высокими и острыми скулами лишь отдаленно напоминало человеческое, прямо на меня смотрели жесткие глаза хищника.

Встревоженный и огорченный, я тихо вскрикнул; сердце мое сильно забилося. Мне не нравилось, что мама стала такой: в ней ничего не осталось от женщины, которая была матерью мне и моим братьям. Ее тело покрывала чешуя, похожая на чешую Слейк, пальцы рук и ног заканчивались острыми когтями, а сложенные крылья были такими, какими я видел их в Греции, – с белыми перьями.

И тут, к моему облегчению, мама начала меняться.

Крылья быстро съезжились и втянулись в плечи, чешуя растаяла, вместо нее возникли длинная темная юбка, блузка и зеленая шаль. Разительней всего изменились глаза: они смягчились, из них исчезла жестокость. Ее взгляд лучился любовью. Мама тепло улыбнулась мне.

Она вновь стала той, кем была на ферме: женщиной, любившей моего отца, вырастившей семерых сыновей, помогавшей людям как повитуха и целительница. И мне показалось, она не просто дух: мама выглядела такой реальной, как и на кухне нашего фермерского дома.

По моим щекам потекли слезы, я шагнул вперед, чтобы ее обнять. Но улыбка вдруг исчезла с ее лица, и мама, попятившись, подняла руки, словно останавливая меня. Я озадаченно уставился на нее, на смену радости пришла обида.

Тогда мама улыбнулась вновь.

– Вытри глаза, сын, – мягко сказала она. – Больше всего на свете мне бы хотелось тебя обнять, но это невозможно. Твой дух заперт в человеческой плоти, тогда как мой имеет другое прибежище. Если мы прикоснемся друг к другу, твоя жизнь окончится, а ты нужен в этом мире. Тебе еще многое предстоит сделать – может, даже больше, чем ты осознаешь.

Я вытер глаза тыльными сторонами ладоней и постарался ответить улыбкой на улыбку:

– Прости, мам... Я понимаю. Просто я так рад снова видеть тебя!

– А я рада видеть тебя. Но теперь пора перейти к делу – я не могу оставаться в этом мире больше нескольких минут подряд.

– Все в порядке, мама. Просто расскажи, что я должен сделать.

– Теперь у тебя есть кинжал и ты сам смог завладеть мечом. Третий артефакт надо искать во Тьме. Он спрятан в самом сердце логова Врага – под тронном в его цитадели. Слейк обучит тебя необходимому ритуалу, и ты, владея этими тремя священными предметами, сможешь уничтожить дьявола навсегда. У меня было только два артефакта, и все-таки я смогла его стреножить, а ты завершишь начатое мною.

– Я сделаю все, что смогу, – ответил я. – Я хочу, чтобы ты мной гордилась.

– Что бы ни случилось, Том, я всегда буду любить тебя и гордиться тобой – но теперь мы подошли к очень трудному моменту... Даже если бы у меня были все три предмета, я все равно проиграла бы, потому что самая важная часть ритуала – это пожертвовать тем, кого ты любишь больше всех на свете. Или в твоём случае, Том, – *той*.

Я в ужасе открыл рот, но слова застряли у меня в горле. Наконец я все-таки сумел выговорить:

– Ты, мама?! Я должен пожертвовать тобой?!

– Нет, Том. Это должно быть живое существо. И хотя я знаю, что ты все еще любишь меня, теперь в мире есть та, кого ты любишь больше.

– Нет, мама! – вскричал я. – Неправда!

– Загляни в свое сердце, сын, и ты увидишь, что это правда. Каждую мать ждет то время, когда ее сына будет больше заботить другая женщина.

Она говорила то, что в глубине души я уже знал. Но, до конца осознав смысл ее слов, я в ужасе замотал головой:

– Нет! Нет! Не может быть, чтобы ты говорила всерьез!

– Да, сын, мне больно тебе об этом говорить, но другого способа нет. Чтобы уничтожить Врага, ты должен пожертвовать Алисой.

Глава 5. Еще одно задание для девчонки

– Я должен отнять жизнь Алисы! – вскричал я. – Но я не могу этого сделать!

– Это единственный путь, Том; цена, которую необходимо заплатить. И она должна добровольно предложить свою жизнь. Поэтому я предоставляю тебе решать, когда ты расскажешь ей, что надо сделать. Я столкнулась с чем-то очень похожим, но мне не хватило духу, – продолжала мама. – Мои сестры пытались уговорить меня убить твоего отца или отдать им его на съедение. Потом умоляли принести его в жертву, чтобы увеличить мои магические силы. Без всех трех священных предметов нельзя уничтожить Врага, однако я бы ослабила его могущество. Но я решила не делать этого, потому что между мной и твоим отцом уже сверкнула искра любви и я увидела будущее: как смогу дать жизнь тебе, седьмому сыну седьмого сына, и выковать из тебя оружие, способное уничтожить дьявола.

Мамины слова меня поразили: она говорила обо мне так, будто я был имуществом, предметом, который следовало пустить в ход против нашего врага, а не любимым сыном.

– Но, думаю, ты окажешься дисциплинированнее меня: у тебя сильное чувство долга, посеянное отцом и возвращенное Джоном Грегори. К тому же в твоих жилах течет моя могущественная кровь и тебе передались кое-какие из моих способностей. Пusti в ход все, что ты от меня унаследовал. Ты должен любой ценой уничтожить дьявола, иначе последствия будут ужасными. Вообрази мир, полностью поработанный Тьмой! Придут голод, болезни и беззаконие, семьи будут разобщены, брат будет убивать брата. Слуги Врага станут необузданными и начнут охотиться на мужчин, женщин и детей, пожирая их плоть и выпивая кровь. А что станет с тобой, сын? Ты будешь знать, что весь этот ужас творится из-за того, что ты проиграл. Даже хуже – тебя больше не будет это заботить, потому что ты утратишь себя, отдав свою душу Врагу. Все это может случиться, если ты не будешь действовать твердо. Людям Графства и всего мира нужно, чтобы ты исполнил это деяние. Я уверена, ты их не подведешь – несмотря на цену, которую заплатишь сам. Мне жаль, сын, но я не могу сказать большего. Уничтожить Врага – вот что самое главное. Это твое предназначение, для того ты и был рожден.

Мама начала медленно исчезать, и я отчаянно воззвал:

– Пожалуйста, мама, не уходи! Нам нужно поговорить еще. Должен быть другой способ! Не может быть, чтобы так было нужно! Не могу поверить, что ты просишь меня так поступить!

Она снова стала превращаться в свирепую ламию с белоснежными крыльями, и последнее, что я увидел, – ее жестокие глаза. А потом она исчезла.

Комната мгновенно опрокинулась в темноту, и я, дрожащими руками вытащив из кармана трутницу, сумел зажечь свечу. Потом уселся на пол рядом с сундуком и, вертя трутницу в руках, стал ее рассматривать. Это была последняя вещь, которую дал мне папа, когда я покидал дом, чтобы стать учеником Джона Грегори. Мысленно я увидел отца и точно вспомнил его слова: «Сынок, я хочу, чтобы ты взял это с собой. Трутница может тебе пригодиться. Не забывай нас и приходи навестить в любое время, мы всегда будем тебе рады!»

Трутница и вправду не раз меня выручала, и я пользовался ею уже не первый год.

Бедный папа! Он тяжело трудился на ферме и не успел насладиться спокойной жизнью. Я вспомнил историю о том, как он познакомился с мамой в Греции. Папа был тогда моряком и нашел ее, прикованную к скале серебряной цепью. Мама всегда была беззащитна перед солнечным светом, и враги оставили ее умирать на склоне горы, но папа ее спас, заслонив от солнца.

Прежде чем отплыть вместе с ней обратно в Графство, чтобы начать новую жизнь фермера, папа некоторое время жил в ее доме в Греции, и кое-что из того, что он рассказывал мне о тогдашнем времени, я понял только сейчас. Две мамины сестры иногда приходили к ней после наступления темноты, и они втроем танцевали вокруг костра в окруженном стеной саду. Папа слышал, как они спорят, и думал, что обе сестры невзлюбили его: обычно они смотрели на него через окно с очень злобным видом, а мама махала, чтобы он отошел.

Эти сестры были ламиями Винде и Слейк, и они перебрались в Графство, спрятавшись в мамином сундуке. Они все время с ней спорили, и теперь я знал почему: они пытались уговорить ее усилить стреноживание, принеся в жертву моего отца.

Я очнулся от своих мыслей, услышав, как кто-то поднимается по лестнице в кладовую. Я понял, что это Слейк: она больше не передвигалась как человеческое существо.

Когда я увидел ее в мерцающем свете свечи, меня пробрало холодом до самых костей. Крылья ее были сложены, но когти выпущены, как будто она собиралась напасть. Но вместо того чтобы кинуться на меня, она улыбнулась.

Я встал.

– Зенобия говорила с тобой? – спросила Слейк.

Голос ее стал грубее, чем раньше, и мне пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать слова.

– Да, но мне не нравится то, что меня попросили сделать.

– А, ты имеешь в виду жертвоприношение? Она сказала, что для тебя это будет тяжело, но ты верный долгу сын и найдешь силы совершить необходимое.

– Силы и долг – всего лишь слова! – горько сказал я. – Мама не смогла этого сделать, так почему я должен?

Я в упор глядел на Слейк, пытаюсь совладать со своим гневом. Если бы ламия и ее сестра поступили по-своему, папа умер бы в Греции и мы с моими братьями никогда бы не родились.

– Успокойся, – сказала она. – Тебе нужно время подумать, поразмыслить о том, что следует сделать. И ты не можешь справиться с Врагом, пока не завладеешь третьим священным предметом. Его поиски нужно предпринять в первую очередь.

– Этот артефакт сокрыт во Тьме, мало того – под самым тронном Врага, – резко ответил я. Теперь во мне всю бушевала ярость. – Как, по-твоему, он попадет ко мне в руки?

– Не ты должен его раздобыть. У нас будет еще одно задание для девчонки. Алиса уже бывала во Тьме, она сравнительно легко найдет и достанет нужный предмет, и к тому же лучше познакомится с владениями Врага. А пока его голова отделена от тела, ей не будет грозить такая уж серьезная опасность.

– Нет! – крикнул я. – Я не могу просить ее отправиться во Тьму! Побывав там в первый раз, она почти потеряла рассудок!

– Второй раз пройдет легче, – настаивала Слейк. – А со временем Тьма и вовсе перестанет вредить ей.

– Но какую цену Алиса за это заплатит? – возразил я. – Она начнет становиться все ближе и ближе к Тьме, до тех пор пока не будет принадлежать ей полностью?

Ламия не ответила. Вместо этого сунула руку в сундук, вынула оттуда листок бумаги и протянула мне.

– Сперва прочитай это, – сказала она. – Это написано моей рукой, но под диктовку твоей матери.

Я дрожащими руками взял листок и начал читать:

Темный властелин пожелал, чтобы я вернулась к нему и склонилась пред ним. Долгое время я сопротивлялась, постоянно получая советы от друзей и сторонников. Некоторые говорили, что мне следует родить от него сына, как это делают ведьмы, и тем самым навсегда избавиться от него. Но одна лишь мысль об этом приводила меня в ужас. Я мучилась и страдала, понимая, что должна в скором времени принять то или иное решение. Враги схватили меня, застав врасплох...

Тут мама пересказала то, что я уже знал, – как ее приковали к скале серебряной цепью и как ее спас моряк. Этот моряк стал моим отцом – он рассказал мне всю историю незадолго до своей смерти. Я знал и то, чем все закончилось, как папа получил кровь в ее доме... Но от следующих слов меня бросило в озноб:

...Вскоре я поняла, что у моего спасителя есть чувства ко мне. Я была признательна ему за помощь, но не испытывала к нему, обычному человеку, какого-то сильного физического влечения.

У меня защемило сердце, когда я прочел эти слова. Я-то думал, что мама и папа сразу же полюбили друг друга. Во всяком случае, так я понял со слов отца. Он в это верил.

Мне пришлось заставить себя продолжить чтение.

Тем не менее, когда я узнала, что он седьмой сын своего отца, в голове у меня стал складываться план. Если мне суждено родить от него сыновей, то седьмой из них получит особую силу в борьбе с Тьмой. И это еще не все: ребенок унаследует и некоторые мои качества, дары, которые усилят и укрепят другие его способности. И тогда однажды этот седьмой сын седьмого сына сумеет, может быть, уничтожить дьявола. Что делать? Решение далось нелегко. С рождением седьмого ребенка я могла получить оружие для окончательного уничтожения врага. С другой стороны, Джон Уорд был простым бедным моряком и происходил из крестьянской семьи. Даже если бы я купила ему собственную ферму, мне пришлось бы прожить эту жизнь с ним и вечной вонью скотного двора.

Думая о бедном папе, я подавил всхлип. В письме ни словом не упоминалось о любви. Маму как будто заботило только одно – победа над дьяволом. Папа был всего лишь оружием,

с помощью которого она рассчитывала добиться своей цели. Может, и я всего лишь такое орудие и ничего более?

Сестры говорили: убей его или отдай нам. Я отказалась, потому что была обязана ему жизнью. Выбор стоял так: прогнать его, чтобы он нашел корабль и вернулся домой, или уйти вместе с ним.

Я поднял глаза от бумаги и сердито взглянул на Слейк, которая в ответ гневно выпустила когти. Она была одной из двух ламий, которые доказывали, что папу нужно убить!

Я вернулся к письму:

Но чтобы реализовать второй вариант, мне нужно было для начала ограничить возможности моего врага, дьявола. Пришлось пойти на хитрость. На Праздник урожая я устроила встречу с дьяволом – наедине. Только он и я. Тщательно выбрав место, я разложила большой костер и ровно в полночь на время призвала его в наш мир. Он возник в пламени, и я поклонилась и сделала вид, что покоряюсь, а сама, держа в руке два священных предмета, произнесла слова мощного заклятия...

Несмотря на все его попытки воспрепятствовать мне, я успешно довела дело до конца, создав тем самым условия для осуществления следующей стадии плана, которая началась с путешествия в Графство и покупки там фермы. Так я стала женой фермера и родила ему шестерых сыновей, а потом наконец и седьмого, которого мы назвали Томасом Джейсоном² Уордом – первое имя дал ему отец, а второе я – в честь героя моей родины, так нравившегося мне когда-то. Мы, ламии, привычны к трансформации, но изменения, которые накладывает на нас время, предвидеть невозможно. С годами я смирилась со своей долей и даже полюбила мужа. Я постепенно приближалась к Свету, стала целительницей и повитухой и помогала соседям чем могла. Вот так человек, Джон Уорд, мой спаситель, направил меня на путь, о котором я и не думала.

Конец письма меня слегка приободрил. Наконец-то мама сказала, что любила папу, что постепенно изменилась и стала больше походить на человека. Но потом я содрогнулся, поняв, что теперь с ней происходит нечто противоположное: она оставляла свою человеческую сущность и становилась совершенно непохожей на ту мать, которую я помнил. И то, что она просила меня сделать, было просто невыносимым.

– Мама написала, что держала в руке два священных предмета, – сказал я Слейк. – Почему же один из них теперь во Тьме?

– А ты думаешь, стреножить Врага было легко? – прошипела та, снова выпустив когти.

Она широко разинула рот, показав зубы, с ее губ закапала слюна. На мгновение мне подумалось, что ламия собирается напасть, но потом она медленно выдохнула и продолжила:

– Несмотря на магию Зенобии, это была титаническая борьба. Когда Врага швырнуло обратно во Тьму, он выхватил у нее один предмет. Здесь указания Зенобии насчет ритуала – прочти немедленно! – велела она, протянув мне второй листок бумаги.

Я взял его, сложил и сунул в карман.

– Я прочту завтра, – сказал я. – По-моему, я и так уже узнал слишком много.

Слейк гортанно зарычала, но я повернулся к ней спиной и зашагал вверх по ступенькам, ведущим к зубцам башни.

Мне пока не хотелось видеть Алису – сначала нужно было все обдумать.

² Английское имя Джейсон (Jason) произошло от имени греческого героя Ясона, предводителя аргонавтов.

Глава 6. Лишь половина истории

Словно безумный я расхаживал по зубчатой стене башни Малкин взад и вперед, туда и сюда. Мысли мои беспорядочно метались, запертые в лабиринте; какой бы путь к спасению ни приходил мне в голову, я всегда возвращался к двум мучившим меня вопросам: должен ли я рассказать Алисе, что ей снова придется отправиться во Тьму? И готов ли я принести ее в жертву, могу ли я и вправду отнять у Алисы жизнь?

Ночь тянулась и тянулась, а я все терзался из-за того, что должен совершить. В конце концов я облокотился на парапет, глядя на запад, вверх Вороньего леса. Постепенно небо начало светлеть, и наконец стал виден массивный холм Пендл. Тогда в бледном свете зари я начал читать письмо, описывающее ритуал, с помощью которого можно было окончательно уничтожить дьявола:

Уничтожить Врага можно следующими способами: во-первых, в руке нужно держать три священных предмета. Эти предметы – мечи героя, выкованные Гефестом. Самый великий из них – Клинок Судьбы, второй – кинжал под названием Режущий Кости (его дала тебе Слейк). Третий предмет – кинжал Печальный, иногда его зовут еще Клинком Сожалений; ты должен вернуть его из Тьмы.

Для проведения ритуала также важно правильно выбрать место: оно должно быть особенно благоприятно для применения магии. Поэтому ритуал следует провести на высоком холме к востоку от Кастера, известном как Камень Уорда.

Какое странное совпадение: я должен попытаться уничтожить дьявола на холме, носящем мое имя! Я задрожал, как будто кто-то прошел по моей могиле, а потом стал читать дальше:

Сперва следует принести кровавое жертвоприношение в точности так, как я скажу. Надо развести огонь – такой, чтобы он излучал огромный жар. Чтобы этого добиться, необходимо построить кузню.

Во время ритуала давшая добровольное согласие жертва должна выказать отменную храбрость. Если она хоть раз вскрикнет или выдаст свою боль, все будет потеряно и ритуал не удастся.

С помощью кинжала Режущий Кости следует отсечь большой палец правой руки жертвы и бросить его в огонь. Только если она не закричит, можно отрубить большой палец левой руки. Его также надо предать огню.

Потом с помощью кинжала Печальный следует вырезать жертве сердце и еще бьющимся швырнуть его в пламя.

Внезапно до меня полностью дошел смысл этого письма. Алиса должна вернуть клинок Печальный, с помощью которого на отвратительной церемонии ей вырежут сердце! Она должна отправиться во Тьму, чтобы завладеть тем самым оружием, которое ее убьет!

Это было ужасно.

Я содрогнулся при мысли о том, что мне предстояло.

Тут я услышал, как кто-то поднимается по лестнице, и, узнав стук каблучков остроногих туфель Алисы, торопливо спрятал письмо в карман штанов.

Спустя мгновение она появилась на зубчатой стене рядом со мной.

– Ты видел маму? – спросила она, положив руку мне на плечо. – Как все прошло? Похоже, ты расстроен – я чувствую, ты дрожишь.

– Да, расстроен, – сознался я. – Она ужасно изменилась. Теперь она вообще не похожа на женщину, которую я помню.

– Ох, Том! – воскликнула Алиса. – Все меняются. Если бы ты мог встретить через несколько лет себя сегодняшнего, ты наверняка ужаснулся бы, увидев, как отличаешься от человека, каким являешься сейчас, как сильно изменились твои мысли и чувства. Мы все время меняемся, но так медленно, что не замечаем этого. А у ламий изменения происходят гораздо быстрее и заметнее. Твоя мама ничего не может с этим поделать, Том, такова уж ее природа – но она все еще любит тебя.

– Неужели? – спросил я, повернувшись к Алисе.

Она пристально взглядела в меня:

– В чем дело, Том? Что-то не так, верно? Ты не все мне рассказал?

Я посмотрел ей в глаза и принял решение. Я открою ей часть того, что мне известно, – что ее просят снова отправиться во Тьму. Но ни за что на свете я не смогу рассказать, что для окончательной победы над дьяволом ее надо принести в жертву. Это просто невозможно! Ритуал был ужасен, и я знал, что не смогу сделать такое даже со злейшим врагом, не говоря уж о лучшей подруге.

Поэтому там, на зубчатой стене, в тусклом свете зари, под хриплые крики ворон, я поведал ей половину истории:

– Мне нужно кое-то рассказать тебе, Алиса. Это ужасно, но ты должна знать. Чтобы навеки связать дьявола, понадобятся три священных предмета. У меня уже есть первые два – мой меч и кинжал под названием Режущий Кости. Но третий – еще один кинжал – спрятан во Тьме под тронном Врага. Ламия хочет, чтобы ты отправилась во Тьму и добыла артефакт, Алиса... Но я сказал, что не позволю тебе это сделать.

Несколько мгновений Алиса молчала, пристально и неотрывно глядя мне в глаза.

– Что тебе известно о самом ритуале, Том? Какой он?

– Мне расскажут об этом позже, как только у нас будут все три священных предмета, – солгал я.

После этого мы оба долго молчали. Я смотрел в небо, наблюдая, как маленькие облачка несутся на восток; их края были окрашены восходящим солнцем в красное и розовое. Потом Алиса внезапно кинулась ко мне на грудь, и мы крепко обнялись. И в этот миг я окончательно понял, что никогда не смогу принести ее в жертву; я должен найти другой способ.

Когда мы наконец отодвинулись друг от друга, Алиса подняла на меня глаза.

– Если другого выхода нет, я отправлюсь во Тьму и добуду то, что нужно, – сказала она.

– Нет, Алиса! Даже не думай об этом. Наверняка мы сумеем придумать что-нибудь еще!

– А если нет, Том? Грималкин не может вечно хранить голову дьявола, отбивая атаки его приспешников. Они никогда не сдадутся. Куда бы мы ни пошли, нам везде будет грозить опасность, потому что они всегда будут следовать за нами по пятам. Они ведь поджидали нас здесь, верно? И рано или поздно дьявол вернется во всем своем могуществе и утащит нас во Тьму на вечные муки. А так уйти туда придется только одному из нас. Я должна рискнуть и отправиться во Тьму, чего бы это ни стоило. И я ведь вернусь, мне не надо оставаться там навечно, да?

– Нет, ты не можешь отправиться во Тьму, – настаивал я. – Я тебе не позволю.

– Это решать мне, Том, не тебе. До Хэллоуина остается чуть больше пяти месяцев, но чем скорее я заполучу кинжал, тем лучше.

– Ты не можешь туда вернуться, Алиса! – воскликнул я. – Вспомни, каково тебе пришлось в прошлый раз!

– Тогда было другое дело, Том, – меня утащил сам Враг. Теперь его там нет, и это ослабило Тьму. И у меня немало своей силы. Я смогу позаботиться о себе, не беспокойся!

Я не ответил. Ведь если Алисе удастся добыть кинжал, она приблизится к мигу своей возможной гибели. Второе письмо мамы лежало в моем кармане – там оно и останется.

Мы провели в башне остаток дня, собираясь отправиться в путь с наступлением темноты, когда будет легче проскользнуть незамеченными.

Пока Алиса спускалась в туннель, чтобы снова повидаться с Агнессой, я коротко переговорил со Слейк и при ней дочитал мамино письмо. Теперь я мог расспросить ламию о том, что я не совсем понял, но чем больше я читал, тем меньше мне это нравилось. К концу нашего разговора я был близок к отчаянию.

Наконец настало время уходить.

Алиса стояла поодаль и ждала меня.

– Я могу никогда больше сюда не вернуться, – повернувшись к ламии, сказал я. – Ты вольна уйти.

– Не тебе меня отпускать, – прошипела Слейк. – Я останусь здесь, пока не пройдет Хэллоуин. Потом, когда с Врагом будет покончено, я сожгу сундуки и уйду, чтобы найти своих сородичей.

– А если мы не покончим с Врагом?

– Тогда всем нам придется плохо. Если ты потерпишь неудачу, о последствиях не хочется даже думать. Ты должен сделать то, что нужно!

– Не тебе говорить, что мне делать! – парировал я. – Я сам принимаю решения. И все же прими мою благодарность. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, позови меня, и я встану с тобой бок о бок.

Когда мы покинули ламию, Алиса удивленно посмотрела на меня. Я понял почему: последние слова вырвались у меня невольно, но я знал, что сказал их совершенно серьезно.

В ту ночь на холме Пендл, когда шабаш ведьм вызвал Врага, Слейк и ее сестра сражались, чтобы спасти нас. Если бы не они, мы бы погибли. Здесь погибла Винде, охраняя мамины сундуки. И хотя это было трудно принять, Слейк была моей дальней родственницей

– потомком родственников мамы, – поэтому я должен был ей не меньше, чем только что пообещал.

– Знаешь, что я думаю, Том? – спросила Алиса, когда мы начали спускаться по ступенькам. – Ты говорил, твоя мама изменилась, но и ты сам тоже изменился. Ты дал обещание Слейк, даже не подумав, что может сказать старый Грегори. Ты теперь больше ведьмак, чем он.

Я не ответил. Мысль о том, что жизнь моего учителя близится к закату, печалила меня, но я знал, Алиса права. Как когда-то сказал Джон Грегори, мне нужно действовать и думать как ведьмак, которым я когда-нибудь стану. Мы шли навстречу туманному будущему, но история близилась к развязке. Вскоре, к добру или ко злу, все будет кончено.

Агнесса ждала нас рядом с выходом из туннеля. Вокруг ее головы жужжали мухи, рот был в засохших потеках крови. От нее пахло глиной и тварями, ползающими под землей.

– Мы уходим обратно в Чипенден, – сказала Алиса мертвой ведьме. – Я вернусь и поведу с тобой, когда смогу.

Агнесса кивнула, и серый червь, упав с ее волос, принялся извиваться у ее ног.

– Когда я тебе понадобится, приходи ко мне в лощину. И ты тоже, Томас Уорд! У тебя тоже есть друг среди мертвых.

Алиса ласково похлопала ведьму по плечу, и мы начали осторожно пробираться по туннелю, а потом, пройдя через склеп, остановилась среди кустов, которыми поросло кладбище.

Алиса трижды втянула носом воздух:

– Здесь есть полдюжины ведьм, но все они мертвы. Агнесса не теряла времени зря!

И мы поспешили на север, а после – на запад, огибая Пендл, чтобы двинуться напрямик в Чипенден.

Агнесса была нашим союзником и другом, но я заметил, что Алиса ничего не сказала ей о своем будущем путешествии во Тьму. Мертвые ведьмы менялись, оставляя человеческие тревоги в прошлом – и Агнесса больше не была той, кому Алиса могла довериться.

Глава 7. Переходить ее опасно

Когда мы пошли через сад Ведьмака, собаки ринулись к нам с возбужденным лаем, и мне пришлось несколько минут поласкать их и позволить им полизать меня в ответ.

Я думал, шум заставит учителя выйти и поздороваться с нами, но его нигде не было видно. Может, что-то случилось? Может, он уехал по ведьмачьим делам?

Но потом я с облегчением заметил, что из кухонной трубы поднимается дым.

Войдя в дом, я увидел Джона Грегори сидящим у огня и беседующим с каким-то незнакомцем. Оба они встали и повернулись ко мне.

– Это Том Уорд, мой ученик, – сказал Ведьмак. – А эта девочка – Алиса, о которой я тебе рассказывал, Джад. Том, это Джад Бринсколл, один из моих бывших учеников. Он явился из самого Тодмордена, чтобы проводить нас туда.

– Мисс Фреск моя подруга, Том, – с улыбкой объяснил Джад. – Она румынка, но теперь живет в Тодмордене и послала меня, чтобы я выяснил, почему твой хозяин не спешит посетить ее библиотеку.

Джад Бринсколл был ниже моего учителя и хрупкого телосложения, с виду слегка за сорок, с морщинистым и обветренным лицом, наводившим на мысль, что он всю жизнь провел на свежем воздухе. Его светлые редющие волосы представляли собой странный контраст с черными бровями. Он носил плащ ведьмака с капюшоном, но, в отличие от наших, зеленый с коричневыми и желтыми полосками.

Я помнил его имя, потому что оно встречалось среди самых заметных имен, нацарапанных на стене моей спальни здесь, в Чипендене, – комнаты, где жили все мальчики, которых обучал мой наставник.

– Ты смотришь на мою одежду, Том, – с едва заметной улыбкой сказал Джад. – Когда-то я одевался почти так же, как ты. Но теперь у меня есть причины носить этот плащ. Когда я закончил обучение у мистера Грегори, он предложил мне поработать с ним еще пару лет, чтобы получше отточить мои навыки. Это было бы разумным решением, но я провел в Графстве пять долгих лет, пока обучался ремеслу, и меня охватила страсть к путешествиям. Я

хотел повидать новые места, пока еще молод, – особенно Румынию, землю, откуда родом семья моей матери. Я отправился в дальний путь, пересек море и в конце концов очутился там. Два года я учился под руководством одного из местных ведьмаков в провинции Трансильвания и носил эту одежду – когда держишь путь через лес, она помогает оставаться незаметным.

– Ну, парень, – перебил Ведьмак, повернувшись ко мне с очень участливым лицом, – что случилось в башне Малкин? Сядь и расскажи мне все.

Алиса осталась стоять, а я занял место за столом и начал свой рассказ. Сперва я говорил нерешительно – мне было слегка неловко перед незнакомцем, и учитель, наверное, заметил мое беспокойство:

– Выкладывай все, парень! Перед Джадом не нужно держать язык за зубами. Мы с ним знакомы целую вечность.

Итак, я рассказал учителю часть того, что узнал, – но ничего о самом ритуале, который бы тот не одобрил. Я сказал ту же ложь, что и Алисе, притворившись, будто узнаю о следующих шагах только тогда, когда все три меча окажутся у меня в руках. И, конечно, я утаил самое худшее – что ради достижения цели должен пожертвовать Алисой.

Мне было неловко лгать и умалчивать, но, возможно, в былые времена я чувствовал бы себя гораздо хуже. Я становился жестче и знал: то, что я делаю, – к лучшему. На мои плечи взвалили огромную ответственность, и мне следовало учиться нести эту ношу одному.

Когда я закончил рассказ, оба ведьмака уставились на Алису.

– Ну, девочка? – спросил учитель. – Просить о таком – значит просить о многом, но ты готова сделать то, что требуется? Ты вернешься во Тьму?

– Должен быть другой способ! – сердито сказал я. – Мы не можем просить Алису так поступить.

Оба ведьмака, не проронив ни слова, опустили глаза. Их молчание было красноречивым, и мне стало горько: Алиса ничего для них не значила. Джад Бринсколл только что с ней познакомился, а мой учитель по-прежнему не вполне доверял ей несмотря на то, через что она вместе с нами прошла, несмотря на то, сколько раз спасала нам жизнь.

– Я сделаю то, что должна, – тихо ответила Алиса, – но хочу убедиться, что это единственный путь. Мне нужно время, чтобы все обдумать. И мне нужно поговорить с Грималкин. Она не так уж далеко, поэтому я пойду и найду ее. Меня не будет всего несколько дней.

На следующее утро Алиса двинулась на север, на поиски ведьмы-убийцы.

Я обнял девушку на краю сада и сказал:

– Что бы ты ни решила, Алиса, не отправляйся во Тьму, прежде чем мы не поговорим. Обещаешь?

– Обещаю, Том. Разве я ушла бы, не попрощавшись?

У меня перехватило дыхание, когда я смотрел, как она исчезает вдаль.

Спустя час, оставив трех собак на попечение деревенского кузнеца, мой учитель, Джад Бринсколл и я тоже отправились в путь.

Хотя Ведьмак отказался от путешествия в Пендл, он, похоже, был рад двинуться в Тодморден. Его коленям стало лучше, и он шагал своей обычной стремительной походкой.

Мы шли и разговаривали.

– Знаете, чего мне не хватает из того, что было в старом доме? – спросил Джад.

– Что касается меня – то это крыша и библиотека, – усмехнулся Ведьмак. – Я радуюсь от всего сердца, глядя, как то и другое приводят в порядок.

– Ну а мне не хватает домового! – воскликнул Джад. – Может, у него временами и подгорал бекон, но он всегда мыл посуду и не подпускал к саду чужаков. Сперва я его боялся, но в конце концов очень любил.

– Меня он тоже пугал, – сказал я. – Он дал мне в ухо, когда в свой первый день в Чипендене я слишком рано спустился к завтраку. Но по большей части у меня остались о нем хорошие воспоминания.

– Угу, – кивнул учитель. – Он предупреждал нас об опасности и много раз спасал нам жизнь. Он определенно стоит того, чтобы по нему скучать.

Мы сделали остановку в деревне Освальдтвисл, и Ведьмак повел нас напрямик в единственную тамошнюю таверну «Седой человек».

– Может, денег у нас сейчас и маловато, но мои старые кости молят о теплой постели на ночь, парень, – сказал он мне.

– Я могу заплатить за наши комнаты, – предложил Джад. – Я знаю, вам сейчас нелегко.

– Нет, Джад, убери деньги, я и слышать об этом не хочу.

У нас было плохо с деньгами потому, что большая часть недавних накоплений понадобилась учителю для оплаты ремонта дома. Когда Ведьмак делал очередную работу, ему часто приходилось ждать, пока с ним рассчитаются, а рассчитывались иногда только после следующей жатвы. То, что сейчас он был готов взять комнаты в таверне, говорило о том, как он устал.

За последнюю пару лет борьба с Тьмой здорово его измотала, но он был горд и не позволил бы бывшему ученику заплатить за него.

Несколько местных жителей сидели и сплетничали в углу возле огромного очага, прихлебывая из пинтовых кружек эль, но обедали только мы. Мы умяли огромные тарелки говядины и жареной картошки, плавающей в восхитительной подливке.

Взглянув на Ведьмака, я сказал:

– Вы говорили, работа никогда не приводила вас в Тодморден, и я не могу понять, как мисс Фреск узнала о вашей библиотеке и о том, что с ней случилось... Это вы ей рассказали, Джад?

– Угу, это сделал я. Я прибыл в Графство пару недель назад. Хотел раньше, но здесь все еще были вражеские войска. Сразу после возвращения я разыскал Космину Фреск, мою старую подругу из Румынии, которая любезно предложила мне крышу над головой, пока я не обустроюсь. Она сказала, у нее есть кое-какие книги на продажу, и я, конечно, тут же упомянул о вас. Она сама была в Чипендене и по дороге туда узнала о печальной судьбе вашей библиотеки.

– Вместо того чтобы оставить записку, лучше бы она к нам зашла, – сказал Ведьмак.

– Она не хотела вас беспокоить, ведь вы были заняты строительством дома, – объяснил Джад.

– Ее встретили бы очень гостеприимно, – произнес учитель. – И тебя тоже, Джад. Почему ты не привел ее ко мне?

– Как бы сильно мне ни хотелось вас навестить, я не мог упустить шанс получить оплачиваемую работу. Мне пришлось разобраться с домовым сразу за границей Графства, так что меня позвал долг!

– Необычное название – Тодморден, – заметил я. – Интересно, откуда оно пошло. Оно что-нибудь означает?

– Все названия что-нибудь да означают, – сказал Ведьмак. – Просто некоторые из них настолько стары, что все давно забыли, откуда они взялись. Кое-кто говорит, что в названии «Тодморден» объединены два слова Древнего Языка: «тод» – что значит «смерть», и «мор»... Что тоже значит «смерть»!

– Но другие с этим не согласны, – добавил Джад. – Они заявляют, что название означает «Долина болотной лисы».

Ведьмак улыбнулся:

– Человеческая память ненадежна, и правда иногда теряется навсегда, парень.

– Ваш отец был родом из Графства, Джад? – спросил я.

– Совершенно верно, но он умер в первый год моего ученичества, и тогда мать вернулась в Румынию, чтобы жить вместе со своей семьей.

Я понимающе кивнул. Мой папа тоже умер в первый год моего ученичества, и мама вернулась в Грецию. В прошлом у нас с Джадом были схожие ситуации, и я понимал, что он чувствует.

Раньше я встречался с тремя бывшими учениками Ведьмака, и все они погибли. Первым – Морган, который служил Тьме и был убит Голгофом, одним из старых богов. Вторым погиб отец Стокс, убитый ведьмой Вюрмальд. И самым последним геройски пал в Греции Билл Аркрайт – прикрывая наше бегство.

Я ненавидел задиру Моргана, но мне нравился отец Стокс – и в конце концов понравился даже Билл, хотя тот сперва и задавал мне жару. И теперь мне начинал нравиться Джад, который казался весьма дружелюбным. Жизнь ведьмака может быть очень одинокой, и я надеялся, что со временем у меня появится новый друг.

Весь следующий день мы шагали через торфяники на восток и, миновав еще одну маленькую деревню, увидели внизу три долины с крутыми склонами. В центральной долине и находился небольшой городок Тодморден.

Я заметил, что он окружен густыми лесами, поднимающимися вверх по склонам. Со слов Ведьмака я уже знал, что город разделен рекой, дальний берег которой находится за границей Графства, но в планировке города мне почудилось нечто странное. Тодморден был не просто разделен рекой: по обоим берегам тянулась полоса деревьев, как будто никто не хотел жить слишком близко к воде.

– Что ж, мне жаль, но тут мы расстанемся, – сказал Джад.

– После того как ты проделал такой длинный путь, я думал, ты проводишь нас до дверей мисс Фреск и представишь ей, – явно удивленный, сказал Ведьмак.

– К сожалению, это невозможно. Видите ли, у меня есть незаконченные дела по ту сторону торфяников, на юге. Я уже говорил вам о домовом – так вот, я выгнал его из одного фермерского дома, и он немедленно обосновался в другом. Но вы без труда отыщете нужный адрес: просто спросите кого-нибудь, где Бент-лейн. Мисс Фреск вас ждет.

– А какая она, мисс Фреск? – спросил Ведьмак. – Как ты с ней познакомился?

– Она добрая женщина, но хорошо разбирается в бизнесе и практических делах, – ответил Джад. – Я уверен, вы прекрасно поладите. А познакомился я с ней во время своих путешествий. Она первая, кто показал мне пример румынского гостеприимства.

– Ну что ж, дело с домовым прежде всего, – кивнул мой учитель. – Но мы надеемся увидеть тебя снова до того, как уйдем. Я рассчитываю остаться тут по крайней мере на одну ночь.

– Конечно, увидимся завтра. Передайте от меня поклон мисс Фреск!

Джад кивнул и зашагал на юг, а мы с Ведьмаком без дальнейших промедлений пошли по крутой тропе вниз, к городу.

На узких мощенных булыжником улицах было полно людей, спешащих по своим делам; там стояли рыночные ларьки, и уличные торговцы продавали с подносов еду и всякие безделушки. Тодморден казался похожим на любой другой городок Графства, с одной-единственной разницей: его жители выглядели угрюмыми и недружелюбными.

Первый человек, у которого мой учитель спросил дорогу, не обратил на него внимания и прошагал мимо, подняв воротник куртки, чтобы защититься от ветра. Вторая попытка была не намного удачней: Ведьмак подошел к пожилому господину с багровым лицом, кото-

рый ковылял мимо, опираясь на палку. Этот человек смахивал на фермера – он носил широкий кожаный пояс и большие тяжелые башмаки.

– Не могли бы вы подсказать нам, где Бент-лейн? – спросил учитель.

– Мог бы... Но не уверен, что должен, – ответил прохожий. – Это, знаете ли, за мостом, на другом берегу реки, и тамошний люд – иностранцы. Лучше держаться от них подальше!

С этими словами он кивнул и продолжил свой путь.

Ведьмак недоверчиво покачал головой:

– Трудно поверить, парень: всего несколько шагов за реку – и ты становишься «иностранцем». Они всего лишь люди, такие же, как и мы, просто им довелось оказаться родом из другой страны, вот и все!

Мы дошли до узкого деревянного моста – явно единственного пути через реку. Мост разрушался – нескольких досок не хватало, другие подгнили – и был ровно такой ширины, чтобы по нему кое-как могла проехать запряженная лошадью повозка. Но рискнуть направить повозку на такой настил мог только бесшабашный храбрец. Мне показалось странным, что никто и не думает чинить мост.

Отсюда город на другой стороне реки ничем не отличался от города в Графстве. За деревьями виднелись такие же маленькие каменные дома и мощенные булыжником улицы; правда, они казались пустыми. Я подумал, что мы перейдем на ту сторону, но Ведьмак оглянулся и показал назад – на городскую таверну.

– Давай избавим себя от лишних проблем, парень, и найдем человека, который сможет точно описать, где находится нужный дом. А заодно убьем одним выстрелом двух зайцев и подыщем место, где проведем ночь.

Мы вошли в маленькую таверну под вывеской «Рыжая лиса». Зал был пуст, но за каминной решеткой горел огонь и лысый мужчина в кожаном фартуке с кислым выражением лица мыл за стойкой бара оловянные пивные кружки.

– Мы ищем дом мисс Фреск, – сказал Ведьмак. – Полагаю, она живет в конце Бент-лейн, где-то за рекой. Не будете ли вы так любезны указать нам дорогу?

– Дом и вправду стоит на другом берегу реки, – отозвался человек, не ответив на вопрос. – А переходить ее опасно. С нашей стороны не многие отваживаются на такое; в нынешнем году вы будете первыми.

– Что ж, мост и вправду нуждается в починке, – кивнул Ведьмак. – Но не думаю, что он вот-вот обрушится. Вы хозяин таверны?

Человек поставил кружку, которую вытирал, и несколько секунд сурово глядел на Ведьмака. Мой учитель спокойно встретил этот взгляд.

– Да, я. Вам нужны еда и питье, а может быть, и постель на ночь?

– И то, и другое, и третье, – ответил Ведьмак. – Многое зависит от того, как у нас здесь пойдут дела.

– Перейдите через мост, – сказал наконец хозяин, – и третья улица слева выведет вас на Бент-лейн. Дом мисс Фреск большой, в самом конце улицы, в лесу. Он стоит за деревьями, поэтому вы увидите его, только подойдя совсем близко. И не сходите с дороги. В тех местах водятся медведи.

– Спасибо. – Ведьмак повернулся, чтобы уйти. – Очень может быть, мы увидимся позже.

– Ну, если вам и вправду требуются комнаты, позаботьтесь о том, чтобы вернуться до заката! – крикнул нам вдогонку хозяин. – После заката двери будут закрыты и засовы задвинуты, и еще до наступления темноты я буду лежать в постели. Если у вас есть хоть капля здравого смысла, вы последуете моему примеру!

Глава 8. «Исследование мороев»

– Что это за таверна, в которой так рано запирают двери на ночь? – спросил я учителя, когда мы зашагали к мосту.

– Явно та, где не очень рады незнакомцам, парень! Что тут неясного?

– Я и не думал, что в наших краях остались медведи.

– Встречаются они редко, уж это точно. В последний раз я мельком видел одного, когда он решил перейти границу Графства, чтобы обосноваться здесь, – ответил Ведьмак с улыбкой.

– Чего боится хозяин таверны? – спросил я. – Почему он отправляется в постель до захода солнца и так беспокоится о запертых дверях?

– Мы можем только догадываться об этом, парень. Но город не кажется очень дружелюбным. Может, после наступления темноты здесь устраивают засады грабители, а может, местные не ладят с людьми, живущими по другую сторону реки. Иногда семьи разделяют междоусобицы и вражда – много ли нужно людям, чтобы вообразить всевозможные обиды?

Мы благополучно перешли реку и свернули на Бент-лейн, и вскоре улица стала круто подниматься вверх. Домов здесь было немного, и все они стояли пустыми, с заколоченными для защиты от ветра и дождя окнами.

Потом начались деревья, и чем дальше мы шли, тем ближе они подступали к дороге, пока наконец над нашими головами не нависла давящая лиственная арка, закрывшая солнце, отчего все вокруг стало очень мрачным.

– Интересно, почему улицу называют Бент-лейн³, – сказал я. – Она ведь совершенно прямая.

Ведьмак кивнул:

– Похоже, сегодня тебя очень интересуют имена и их значения, парень.

³ Bent (англ.) – изогнутый.

– Мне и вправду интересны названия разных мест, – согласился я. – Особенно тех, что находятся в Графстве... И то, как со временем иногда изменяются их значения. Забавно, что само слово «Пендл» раньше означало «холм». Но теперь мы прибавляем «холм» к его названию, так что получается холм Пендл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.